U 177/1030

И 177/1030

Проф. П. К. Ардашевъ.

ф 1-76/14698.

О ПРОГРЕССѢ

въ

Исторической Наукѣ.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул
1904.

И 177/1030

Проф. П. Н. Ардашевъ.

О ПРОГРЕССѢ

въ

Исторической Наукѣ.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул.
1904.

9
31614

О ПРОГРЕССѢ

въ

Исторической Наукѣ.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1904 годъ.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
30685-44

2007056164

О ПРОГРЕССѢ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКѢ.

Вступительная лекція, читанная проф. П. Н. Ардашевымъ въ Университетѣ Св. Владиміра 14 октября 1903 г.[1]).

Милостивые Государи!

Предметъ бесѣды, которую я имѣю честь предложить Вашему вниманію, есть *прогрессъ въ исторической наукѣ.*

Наука и *прогрессъ*, — это два столь же взаимно нераздѣлимыя понятія, какъ жизнь и движеніе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь наука не есть какая-то законченная, замкнутая въ себѣ система разъ навсегда установленныхъ истинъ, заключенныхъ въ неизмѣнныя, застывшія формулы. Наука есть, напротивъ, нѣчто въ высшей степени подвижное, живое,—живое, какъ сама человѣческая жизнь; да и что такое въ сущности наука, какъ не одна изъ сторонъ человѣческой жизни и дѣятельности? Не есть ли, въ самомъ дѣлѣ, наука прежде всего—живая дѣятельность познающаго ума, направленная къ наивозможно всестороннему и совершенному познанію дѣйствительности во всемъ ея пространственномъ и временномъ объемѣ? Такое совершенное и всестороннее познаніе необъятной пространственно и временно дѣйствительности есть конечно недостижимый идеалъ; но не есть ли идеалъ этотъ—живая душа науки, и стремленіе къ этому идеалу не есть ли то, безъ чего не было бы и самой науки?..

Итакъ, говоря вообще, наука есть нѣкоторая *дѣятельность*, въ основѣ которой лежитъ стремленіе къ извѣстному *идеалу*. А гдѣ

[1]) Лекція эта была изложена передъ аудиторіей въ значительно сокращенномъ видѣ.

дѣятельность, тамъ и движеніе; гдѣ есть стремленіе къ идеалу, тамъ есть непремѣнно и прогрессъ.

Въ чемъ же состоитъ *научный прогрессъ?*

Ближайшимъ и непосредственнымъ результатомъ дѣятельности познающаго ума является постепенное накопленіе все новыхъ и новыхъ истинъ. Это—то, что можно назвать *прогрессомъ научнаго достоянія.*

Если, далѣе, самая дѣятельность, производящая этотъ результатъ, совершенствуется, или, точнѣе говоря,—если совершенствуются способы этой дѣятельности, мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ, что можно назвать *прогрессомъ научнаго метода.*

Наконецъ, если данная наука вырабатываетъ постепенно болѣе точныя и болѣе прочно обоснованныя представленія о своихъ основахъ, задачахъ и средствахъ,—мы имѣемъ предъ собою то, что можно назвать *прогрессомъ научнаго самосознанія.*

Итакъ:

1) прогрессъ научнаго достоянія,

2) прогрессъ научнаго метода,

3) прогрессъ научнаго самосознанія,—таковы три стороны научнаго прогресса вообще.

Что касается *исторической науки*, то въ ней мы наблюдаемъ всѣ эти три стороны научнаго прогресса. Можно даже сказать, что въ послѣднее время исторія принадлежитъ къ числу наиболѣе прогрессирующихъ наукъ. Правда, сравнительно съ недавняго лишь времени стало возможнымъ говорить о прогрессѣ въ исторической наукѣ, и это по той простой причинѣ, что сама-то историческая наука сравнительно недавняго происхожденія. Конечно, если вести ея начало отъ „отца исторіи", Геродота, то она оказывается одною изъ самыхъ древнихъ, чуть ли не древнѣйшею изъ всѣхъ наукъ; но дѣло въ томъ, что вѣдь это не болѣе, какъ одна изъ тѣхъ, къ сожалѣнію, слишкомъ обычныхъ умственныхъ аберрацій, отъ которыхъ тѣмъ труднѣе бываетъ отдѣлаться человѣческому уму, чѣмъ болѣе наше мышленіе подвержено тираніи словъ. Слово *исторія*, которое мы привыкли одинаково связывать съ такими именами, какъ Геродотъ и Ранке, Титъ Ливій и Тэнъ,—это *слово* черезчуръ легко заставляетъ насъ забывать о совершенной несоизмѣримости *вещей*, которыя волею судебъ оказались связанными съ этимъ словомъ. Въ самомъ дѣлѣ, слово „исторія" само имѣетъ также свою исто-

рію, и очень поучительную исторію; послѣднею однако мы не имѣемъ надобности сейчасъ заниматься; для интересующаго насъ вопроса достаточно лишь отмѣтить тотъ фактъ, что самая идея исторіи, какъ науки, сравнительно недавняго происхожденія. Понятіе *науки*, научнаго знанія, стали соединять съ словомъ *исторія* не ранѣе восемнадцатаго вѣка; говорить же объ исторической наукѣ, какъ о реальномъ фактѣ, стало возможнымъ впервые лишь въ первой половинѣ истекшаго столѣтія.

До тѣхъ поръ, начиная съ глубокой древности, на исторію смотрѣли лишь какъ на одинъ изъ видовъ художественной литературы. *Opus maxime oratorium*—такъ характеризовалъ исторію Цицеронъ; и наиболѣе выдающійся и, быть можетъ, наиболѣе типичный представитель античной историографіи, Титъ Ливій, представляетъ собою живую иллюстрацію къ этой характеристикѣ. Для Тита Ливія исторія, дѣйствительно, есть прежде всего—*ораторское произведеніе*,—ораторское въ двоякомъ смыслѣ: въ смыслѣ литературной художественности—съ одной стороны, въ смыслѣ моральнаго воздѣйствія на читателя—съ другой. Дѣло историка, какъ онъ его себѣ представляетъ, не только давать читателю художественное и занимательное чтеніе, но еще и поучать, наставлять читателя,—воздѣйствовать на него въ смыслѣ нравственнаго подъема, патріотическаго одушевленія, наконецъ—въ смыслѣ политической и житейской мудрости: какъ *opus oratorium*, исторія является также и *magistra vitae*.

Такое воззрѣніе на исторію и ея задачи продолжало, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, господствовать вплоть до конца восемнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтій; отголоски же этого пониманія не вполнѣ заглохли вплоть до нашихъ дней.

Если мы спросимъ, что же такъ долго препятствовало исторіи выйти изъ состоянія дѣтства и выработаться въ науку, то отвѣтить на этотъ вопросъ можно въ немногихъ словахъ.

Вѣдь наука вообще зиждется на двоякой основѣ: на основѣ *психологической*, которая есть научная *любознательность*, и на основѣ *логической*, которая есть научный *методъ*. Любознательность есть такая же необходимая психологическая предпосылка науки, какъ эстетическое чувство есть необходимая психологическая предпосылка искусства: безъ научной любознательности такъ же невозможна наука, какъ невозможно искусство безъ эстетическаго чувства. Но, съ другой стороны, и безъ логической основы, безъ ме-

тода, точно такъ же невозможна наука, какъ искусство невозможно безъ техники. Любознательность влечетъ человѣка къ исканію знанія, методъ освѣщаетъ пути къ нему. Любознательность въ психологической области, методъ въ сферѣ логической,—это двѣ необходимыя conditiones sine quibus non научнаго знанія, науки.

Такъ обстоитъ дѣло съ теоретической стороны; если мы теперь бросимъ взглядъ на другую его сторону, фактическую, то намъ придется прежде всего отмѣтить тотъ фактъ, что античная исторіографія не успѣла выработаться въ историческую науку, и это потому, что, при наличности научной любознательности, по крайней мѣрѣ, у лучшихъ представителей античной исторіографіи, послѣдняя не только не успѣла выработать научнаго метода, но не успѣла даже и дойти до отчетливаго сознанія его необходимости.

Можно ли было ожидать выполненія этой задачи отъ средневѣковой мысли, которой вѣдь въ сущности не доставало даже психологической предпосылки науки,—научной любознательности, и которая находила себѣ удовлетвореніе въ безжизненной схоластикѣ?

Наступившая затѣмъ эпоха возрожденія, съ ея восторженнымъ преклоненіемъ предъ культурнымъ наслѣдіемъ античной древности, естественнымъ образомъ воскресила и воззрѣнія древнихъ на исторію, подчеркнувъ въ особенности поучительность послѣдней.

Этотъ, до извѣстной степени утилитарный взглядъ на исторію, какъ „наставницу жизни“ въ морали и политикѣ, нашелъ себѣ, въ концѣ восемнадцатаго вѣка, краснорѣчиваго выразителя въ лицѣ талантливаго англійскаго писателя лорда Болингброка. Подъ его вліяніемъ, это традиціонное воззрѣніе на исторію ожило съ новою силой и надолго укоренилось въ умахъ, сдѣлавшись однимъ изъ ходячихъ трюизмовъ.

Этотъ традиціонный, утилитарно-практическій взглядъ на исторію, какъ на своего рода прикладную мораль и политику, не только самъ по себѣ былъ глубоко ненаучнымъ взглядомъ, но онъ еще и задерживалъ выработку научнаго взгляда, такъ какъ мѣшалъ проявиться дѣйствительно научному интересу, научной любознательности къ предмету исторіи; научный же интересъ, какъ извѣстно, характеризуется прежде всего именно совершеннымъ равнодушіемъ къ вопросу о какой бы то ни было прикладной, практической пользѣ отъ знанія.

Тѣмъ не менѣе, уже въ восемнадцатомъ же вѣкѣ, и даже въ первой его половинѣ мы замѣчаемъ первые явственные признаки рѣшительнаго поворота—именно въ сторону приближенія къ научному взгляду на исторію.

Въ 1725 г. вышла въ Италіи книга, озаглавленная *Основанія новой науки объ общей природѣ народовъ*. Эта небольшая книжка, не обратившая на себя почти никакого вниманія среди современниковъ, представляетъ тѣмъ не менѣе замѣчательное явленіе: она отмѣчаетъ собою крупный шагъ впередъ въ исторіи европейской мысли вообще, и въ частности—въ исторіи исторической науки.

Эта книжка, авторомъ которой былъ неаполитанецъ Джіамбаттиста Вико, заключала въ себѣ много совершенно новыхъ идей, до такой степени новыхъ, что онѣ оказались непонятны современникамъ, и Вико, дѣйствительно, остался не понятымъ въ свое время; его поняли и оцѣнили только болѣе столѣтія спустя, при чемъ были немало изумлены, найдя въ этой почти забытой книжкѣ многіе изъ тѣхъ идей и взглядовъ, которые, казалось, были созданіемъ лишь девятнадцатаго столѣтія. Мы, разумѣется, не можемъ входить здѣсь въ подробности воззрѣній Вико; для занимающаго насъ вопроса можно ограничиться лишь указаніемъ на то, что его взгляды на предметъ и задачи исторіи въ значительной мѣрѣ предвосхищали идеи, получившія окончательное право гражданства лишь въ истекшемъ столѣтіи. „Новая наука“, которую имѣлъ въ виду Вико, была до такой степени далека отъ того, что считалось тогда исторіей, что и самому Вико, повидимому, не приходило въ голову, что онъ работалъ въ сущности надъ пересозданіемъ традиціонной исторіи въ исторію научную. Исторія, какъ она понималась въ его время, занималась только *государствами*, да и то почти исключительно лишь внѣшними событіями въ ихъ жизни. Вико переноситъ центръ тяжести научнаго интереса въ жизнь *народовъ;* самое государство у него является лишь однимъ изъ проявленій народной жизни. Далѣе, жизнь народа или жизнь народовъ онъ считаетъ необходимымъ изучать исторически и сравнительно: *исторически*, то-есть слѣдя за послѣдовательными фазисами ея развитія; *сравнительно*, то-есть сопоставляя и приводя въ связь историческую жизнь различныхъ народовъ, стараясь отыскать въ нихъ то, что составляетъ ихъ „общую природу“.

Въ этихъ воззрѣніяхъ Вико мы встрѣчаемся въ сущности

съ тѣмъ пониманіемъ исторіи, которое лишь въ сравнительно не давнее время получило окончательное право гражданства,—такимъ пониманіемъ, въ силу котораго центральнымъ предметомъ историческаго изученія представляется *жизнь народа* или, если угодно, *жизнь народовъ*—во всемъ сложномъ многообразіи ея проявленій, а сравнительный методъ, провозглашенный Вико, сдѣлался лишь въ недавнее время общепризнаннымъ и общепринятымъ пріемомъ историческаго изученія.

Замѣтимъ также, что Вико совершенно чужды какіе-либо соображенія эстетико-литературнаго или морально-поучительнаго характера; онъ проникнутъ чисто научнымъ интересомъ къ исторической дѣйствительности: его задача—не плѣнить читателя драматизмомъ историческаго процесса или извлечь изъ историческихъ фактовъ то или другое моральное, житейское или политическое поученіе, а понять, уразумѣть историческій процессъ, вскрывши тѣ силы, которыя его двигаютъ, и уловивъ тѣ законы, которые управляютъ этимъ процессомъ.

Вико можно съ полнымъ правомъ назвать *предвѣстникомъ* научной исторіи. Тѣмъ не менѣе *основателемъ* научной исторіи его назвать нельзя, потому что, при безспорной научности отдѣльныхъ взглядовъ, ему все-таки недоставало сколько-нибудь яснаго представленія объ *исторіи какъ наукѣ*, ея *задачахъ* и *методѣ*. Это разъ. Съ другой стороны, Вико стоялъ слишкомъ одиноко, и остался одинокъ: его идеи слишкомъ опережали его вѣкъ. Непонятый въ свое время, онъ не нашелъ себѣ послѣдователей и преемниковъ, а потому и не оказалъ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на дальнѣйшее развитіе исторической мысли.

Не оказало непосредственнаго вліянія на перерожденіе *традиціонной исторіи* въ *исторію научную* и другое, вышедшее нѣсколько лѣтъ спустя послѣ *Новой науки* Вико, болѣе знаменитое сочиненіе *О духѣ законовъ* французскаго писателя Монтескье, хотя въ этомъ сочиненіи и были точно также высказаны нѣкоторыя изъ идей, сдѣлавшихся впослѣдствіи достояніемъ научной исторіи. Такъ, у Монтескье мы точно также встрѣчаемъ еще болѣе ясно выраженную идею о *закономѣрности историческихъ явленій*, именно—въ области политической исторіи, и о тѣсной связи между политическою исторіей извѣстнаго народа и физическими условіями среды, въ которой онъ живетъ и дѣйствуетъ. Но предвосхищая въ извѣ-

стной степени идеи научной исторіи, Монтескье, подобно Вико, не задавался преобразованіемъ традиціонной исторіи въ исторію научную—его цѣль была совершенно иная; онъ даже и не подозрѣвалъ, повидимому, самой возможности постановки подобнаго вопроса, какъ ея не подозрѣвали и тогдашніе представители исторіографіи. Послѣднимъ и въ голову не приходило, чтобы сочиненіе Монтескье имѣло какое-нибудь отношеніе къ исторіи. Для нихъ поэтому оно прошло такъ же безрезультатно и безслѣдно, какъ и сочиненіе Вико.

Непосредственному вліянію идей Монтескье на исторію помѣшало еще то обстоятельство, что умственное теченіе, которое сдѣлалось господствующимъ во Франціи во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, представляло собою въ высшей степени неблагопріятную почву для научнаго интереса къ исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, такъ называемая *французская философія* второй половины восемнадцатаго вѣка была *анти-историческою* по своему характеру, и это въ двоякомъ отношеніи: 1) по своему *методу*, который былъ чисто *раціоналистическимъ* и *априористическимъ*—совершенная антитеза методу историческому; 2) по своему *направленію*, по своей господствующей тенденціи, которая характеризовалась рѣзко-отрицательнымъ и пренебрежительно презрительнымъ отношеніемъ къ прошлому, какъ ко времени невѣжества, обскурантизма и варварства,— какъ къ предмету недостойному вниманія со стороны „просвѣщеннаго ума“.

Вотъ почему отъ Монтескье такъ же мало можно вести начало исторической науки, какъ и отъ Вико; оба названные мыслителя могутъ быть названы лишь предшественниками научной исторіи, но не родоначальниками ея. И это не только въ силу сейчасъ отмѣченнаго обстоятельства, но также и потому, что обоимъ имъ недоставало въ сущности настоящаго научнаго интереса къ предмету исторіи, то-есть къ прошлому человѣчества. Вико интересовалъ въ „жизни народовъ“ прежде всего не конкретный, данный въ дѣйствительности историческій процессъ ихъ развитія, а тѣ общія и постоянныя нормы, по которымъ это развитіе совершается. Что касается Монтескье, то для него исторія была прежде всего музеемъ, въ которомъ каждый отдѣльный предметъ интересовалъ его постольку, поскольку онъ могъ служить иллюстраціей той или другой общей идеи или аргументомъ въ пользу того или другого общаго положенія.

Такъ или иначе, но и послѣ замѣчательныхъ произведеній Вико и Монтескье исторіи продолжало недоставать и психологической и логической основъ научнаго знанія: ей недоставало ни научнаго интереса, ни научнаго метода.

Подготовить почву для того и для другого выпало на долю нѣмецкой философіи конца восемнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтій.

Философія эта не создала, правда, хотя бы и въ идеѣ только, исторіи-науки, но она существеннымъ образомъ подготовила почву для перерожденія традиціонной исторіи въ исторію научную. Подготовила она эту почву двоякимъ образомъ: во-первыхъ тѣмъ, что вызвала къ жизни научную любознательность, научный интересъ къ прошлому человѣчества, и, во-вторыхъ—тѣмъ, что, косвеннымъ но крайней мѣрѣ образомъ, вызвала разработку метода исторіи, какъ особой науки.

Научный интересъ къ прошлому человѣчества вызванъ былъ прежде всего тою новою и небывалою ролью, которую, съ легкой руки Гердера, стали удѣлять исторіи представители идеалистической нѣмецкой философіи. Въ своихъ *Идеяхъ къ философіи исторіи* Гердеръ впервые выводитъ понятіе исторіи изъ узкихъ традиціонныхъ рамокъ исторіи отдѣльныхъ странъ и народовъ и развертываетъ историческій горизонтъ на все человѣчество. Человѣчество разематривается при этомъ не отвлеченно какъ-нибудь, не изолированно отъ остальной природы, а вмѣстѣ съ нею, въ неразрывной органической связи. *Исторія человѣка* и *исторія природы* представляются двумя сторонами одного великаго процесса—*исторіи міро-данія*. У Гердера и у идеалистовъ философовъ исторія, наравнѣ съ науками о природѣ, становится однимъ изъ устоевъ, на которыхъ воздвигается величавое сооруженіе философскаго міропониманія, охватывающаго вселенную во всемъ ея пространственномъ и временномъ объемѣ. Исторія и расширялась и возвышалась одновременно. Становясь исторіею міра и человѣка, она пріобрѣтала новое и небывало высокое значеніе. Она пріобрѣтала интересъ помимо литературной художественности и занимательности, помимо моральной поучительности и практической пользы. Дѣло шло о важнѣйшихъ интересахъ человѣческой мысли, о величайшихъ проблемахъ человѣческаго знанія; и центромъ этихъ интересовъ, и вмѣстѣ рычагомъ для рѣшенія этихъ проблемъ становилась исторія.

Такимъ образомъ, *философскій интересъ къ исторіи* явился мостомъ, перекинутымъ черезъ ту пропасть, которая отдѣляла традиціонное, шедшее изъ древности, воззрѣніе на исторію отъ того новаго взгляда на нее, которому предстояло найти себѣ и практическое примѣненіе и теоретическую разработку въ истекшемъ столѣтіи.

Это одна сторона дѣла: мы говорили о *психологической основѣ* исторіи, какъ науки. Что касается другой ея основы, *логической*, т. е. *метода*, то въ этомъ послѣднемъ отношеніи вліяніе философіи было лишь косвеннымъ, но тѣмъ не менѣе реальнымъ. Дѣло въ томъ, что, исходя изъ нѣкоторыхъ общихъ апріорныхъ идей, философія обращалась довольно произвольно съ исторіей, насильственно подгоняя и подрубая историческую дѣйствительность подъ заранѣе построенныя апріорныя схемы и формулы.

Крайности, до которыхъ была доведена Гегелемъ и его учениками эта манера трактовать историческую дѣйствительность, какъ сырой матеріалъ для возведенія діалектическихъ построекъ по заранѣе составленнымъ планамъ, не могли не вызвать реакціи въ тѣхъ изъ мыслящихъ умовъ, въ которыхъ философскій интересъ къ исторіи не могъ заглушить научнаго интереса къ исторической дѣйствительности.

И вотъ, вызванный къ жизни философіей научный интересъ къ исторіи возстаетъ теперь противъ философіи во имя научной правды, во имя уваженія къ исторической истинѣ. А разъ явилась идея *научной истины* въ исторіи, необходимо долженъ былъ возникнуть и вопросъ о средствахъ и способахъ достиженія этой истины; а это привело къ разработкѣ *научнаго метода* исторіи.

Такимъ образомъ, послѣ того, что возникла съ научнымъ интересомъ—*психологическая основа* исторической науки, была заложена и *основа логическая* въ научно-историческомъ методѣ.

И только съ этого момента является возможность говорить серьезно объ исторической наукѣ и о ея прогрессѣ.

Нельзя конечно дать характеристику этого научнаго прогресса въ предѣлахъ одной бесѣды, но намѣтить главные контуры его возможно и въ немногихъ словахъ, что я и попытаюсь сейчасъ сдѣлать.

Соотвѣтственно тремъ сторонамъ научнаго прогресса вообще,—сторонамъ, которыя мы находимъ и въ исторической наукѣ, я буду

говорить послѣдовательно: 1) о *прогрессѣ научнаго самосознанія* въ исторіи, 2) о *разработкѣ научнаго метода*, и, наконецъ, 3) о *ростѣ ея научнаго достоянія*.

I.

Первые историки въ научномъ смыслѣ, Нибуръ, Ранке и другіе, мало интересовались вопросомъ о теоретическихъ основахъ исторіи, какъ науки. Они довольствовались тѣмъ, что *дѣлали* науку, не задаваясь теоретическимъ обоснованіемъ ея правъ на значеніе и достоинство науки въ строгомъ смыслѣ. Вскорѣ однако представителямъ исторической науки пришлось взяться за эту задачу, въ виду различныхъ попытокъ со стороны представителей другихъ отраслей мысли—со стороны философовъ, естествовѣдовъ, соціологовъ,—попытокъ подвергнуть сомнѣнію права исторіи на значеніе науки въ строгомъ смыслѣ.

Одни изъ нихъ выступаютъ въ качествѣ открытыхъ противниковъ исторіи, которую они пытаются совершенно развѣнчать какъ науку; другіе, подъ видомъ доброжелателей, предлагаютъ ей свои услуги для того, чтобы, какъ они выражаются, „поднять исторію на степень настоящей науки“. Словомъ, на первыхъ же порахъ существованія молодой науки, ей пришлось вступить въ борьбу за существованіе и при томъ—на два фронта: противъ враговъ съ одной стороны, противъ друзей—съ другой.

Враги говорили: „исторія не есть наука въ строгомъ смыслѣ и никогда не можетъ таковой сдѣлаться“.

Друзья говорили: „исторія, въ своемъ нынѣшнемъ видѣ, не есть наука, но она можетъ стать наукой, подъ условіемъ того-то и того-то“.

Родоначальникомъ „враговъ“ исторіи можно считать философа Шопенгауэра. Исторія, по его мнѣнію, не есть наука и даже не можетъ таковою сдѣлаться. Почему? Потому, отвѣчаетъ онъ, что „въ ней нѣтъ основного характера всякой науки, т. е. подведенія узнаннаго подъ общее понятіе. Вмѣсто того, она даетъ только координацію своихъ данныхъ. Поэтому нѣтъ никакой системы исторіи, какъ есть въ каждой изъ другихъ наукъ. Хотя исторія и даетъ знаніе, но она не наука, ибо нигдѣ она не познаетъ частнаго посредствомъ общаго... Науки, такъ какъ онѣ представляютъ изъ себя системы понятій, говорятъ всегда только о видахъ, а исторія

говорить объ индивидуумахъ... Поэтому ее можно было бы назвать наукою объ индивидуумахъ, если бы въ этомъ выраженіи не было противорѣчія. Изъ этого же положенія слѣдуетъ, что науки говорятъ о томъ, что существуетъ всегда, а исторія только о томъ, что было разъ и чего уже болѣе нѣтъ. Исторія имѣетъ дѣло съ безусловно частнымъ и индивидуальнымъ, что неисчерпаемо уже по своей природѣ; поэтому она знаетъ все только приблизительно и наполовину". Въ концѣ концовъ, Шопенгауэръ приходитъ къ заключенію, что исторія въ сущности представляетъ собою „предметъ едва ли достойный серьезнаго и труднаго изученія со стороны человѣческаго духа".

Все, что было съ тѣхъ поръ и вплоть до нашихъ дней высказано противниками исторіи, какъ науки,—все это уже содержится въ существенныхъ чертахъ въ приведенныхъ словахъ Шопенгауэра. Позднѣйшіе „враги" исторіи не прибавили къ нимъ ничего существенно новаго; многіе изъ нихъ считаютъ достаточнымъ просто сослаться на приговоръ Шопенгауэра, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, одинъ изъ новѣйшихъ соціологовъ, Гумпловичъ.

„Тезисъ Шопенгауэра, что исторія не есть наука, говоритъ онъ, какъ онъ былъ формулированъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ остается неопровергнутымъ".

Привожу эти слова Гумпловича, какъ характерный образчикъ намѣреннаго закрыванія глазъ на совершившійся и продолжающій совершаться прогрессъ въ исторической наукѣ. Одно—говорить объ исторіи „восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ", другое -теперь: какъ будто за эти восемьдесятъ лѣтъ историческая наука не подвинулась ни на шагъ впередъ. Если бы противники исторіи, въ родѣ поименованнаго, не напускали на себя добровольной слѣпоты, они не могли бы не увидѣть всей странности подобнаго утвержденія, что „тезисъ Шопенгауэра остается до сихъ поръ не опровергнутымъ". Они бы не могли не замѣтить, что по этому вопросу было высказано много вѣскихъ соображеній со стороны представителей исторической науки. Они бы не могли не согласиться, что все разсужденіе Шопенгауэра, какъ и всѣхъ его сознательныхъ и безсознательныхъ послѣдователей, основано на чистомъ недоразумѣніи.

Дѣйствительно, ни одно изъ приведенныхъ положеній Шопенгауэра не выдерживаетъ критики. Начать съ того, что здѣсь у него спутано нѣсколько совершенно различныхъ опредѣленій науки.

Признаками науки у него являются то „подведеніе узнаннаго подъ общія понятія", то „субординація данныхъ", то „познаваніе частнаго посредствомъ общаго", то „познаваніе общаго", за исключеніемъ всего единичнаго и индивидуальнаго, то, наконецъ, „систематизація понятій". Очевидно, что все это вещи не только не тождественныя, но даже и не связанныя взаимно какою-либо логическою необходимостью. Но оставляя въ сторонѣ эту сторону дѣла, взглянемъ, насколько, въ самомъ дѣлѣ, можно на приведенныхъ соображеніяхъ основывать тезисъ о невозможности исторіи, какъ науки.

Не касаясь вопроса о степени вѣрности положенія, будто основной характеръ всякой науки заключается въ подведеніи узнаннаго подъ общія понятія, совершенно непонятно, какимъ образомъ даже въ то время, когда писалъ Шопенгауэръ, можно было отрицать за исторіей подобное „подведеніе узнаннаго подъ общія понятія", когда исторія только тѣмъ и занимается, что подводитъ конкретные единичные факты подъ общія понятія, каковы: *государство, общество, народъ, развитіе, прогрессъ* и т. д. Совершенно невѣрно также утвержденіе, будто исторія, въ противоположность наукамъ въ собственномъ смыслѣ, занимается только *координаціей* своихъ данныхъ. Въ дѣйствительности исторія занимается изученіемъ фактовъ въ ихъ послѣдовательной связи, что было бы странно называть координаціей. Далѣе, упрекая исторію въ томъ, что она не познаетъ частнаго посредствомъ общаго, Шопенгауэръ страннымъ образомъ забываетъ о существованіи индуктивныхъ наукъ, которыя, подобно исторіи, точно также не познаютъ частнаго посредствомъ общаго, а какъ разъ наоборотъ доходятъ до познанія общаго путемъ изученія частнаго. Только подобнымъ же промахомъ можно объяснить далѣе и опредѣленіе Шопенгауэромъ науки, какъ *системы понятій*, потому что такое опредѣленіе подходитъ только къ наукамъ дедуктивнымъ, въ родѣ геометріи, а отнюдь не къ наукамъ индуктивнымъ, наукамъ о реальномъ мірѣ. Далѣе, „исторія имѣетъ дѣло безусловно съ частнымъ и индивидуальнымъ, что неисчерпаемо уже по своей природѣ; поэтому она знаетъ все только приблизительно и наполовину". Но, во-первыхъ, съ частнымъ и индивидуальнымъ имѣетъ дѣло не одна лишь исторія, но и многія другія науки. Вся разница между исторіей и этими послѣдними, въ данномъ отношеніи, лишь количественная, а не качественная, то-есть въ

исторіи индивидуальный элементъ занимаетъ болѣе видное мѣсто, чѣмъ, напримѣръ, въ естественныхъ наукахъ, и это по той простой причинѣ, что исторія имѣетъ дѣло съ явленіями человѣческой жизни, въ которыхъ индивидуальный элементъ играетъ, вполнѣ естественно, болѣе видную роль, чѣмъ въ жизни природы. Что касается „непостижимости индивидуальнаго по своей природѣ", то это отнюдь не есть препятствіе для научнаго знанія, которое располагаетъ для ориентировки въ безконечномъ многообразіи индивидуальнаго, такъ называемыми *общими понятіями*, подъ которыя и подводится это индивидуальное многообразіе. Такъ поступаютъ всѣ науки, не иначе поступаетъ и исторія. Что касается, наконецъ, упрека по адресу исторіи въ томъ, что „она знаетъ все только приблизительно и наполовину", то, во-первыхъ, онъ былъ бы болѣе справедливъ, если бы вмѣсто *все* было сказано *многое*. Съ другой стороны, есть ли такая наука, которая могла бы похвалиться, что она знаетъ все въ точности и во всей полнотѣ? Напротивъ, чѣмъ глубже человѣкъ погружается въ изученіе какой угодно науки, тѣмъ болѣе онъ поражается тѣмъ, какъ многое еще остается не узнаннымъ, какъ многое остается познать, — и тѣмъ болѣе онъ проникается убѣжденіемъ, что наука есть не только и даже не столько знаніе, сколько исканіе знанія, что наука есть не столько система истинъ, которыя остается лишь усвоить, сколько рядъ задачъ и проблемъ, которыя требуется изслѣдовать и разрѣшить, и что знаніе въ наукѣ есть не столько данное, сколько искомое, не столько фактъ, сколько идеалъ.

Наконецъ, изрекши свой приговоръ, что исторія въ сущности представляетъ собою „предметъ, почти недостойный серьезнаго и труднаго изученія со стороны человѣческаго духа", Шопенгауэръ, къ счастью, самъ же даетъ и блестящее опроверженіе этому приговору. Въ самомъ дѣлѣ, всего нѣсколькими страницами ниже мы читаемъ у Шопенгауэра слѣдующія слова:

„Чѣмъ служитъ для отдѣльнаго человѣка разумъ, тѣмъ исторія служитъ для человѣческаго рода. Въ силу именно разума человѣкъ не ограничивается, подобно животному, узкою сферою непосредственно-настоящаго, но познаетъ и несравненно болѣе продолжительное прошлое, съ которымъ это настоящее связано, и изъ котораго оно вышло, и только чрезъ это онъ пріобрѣтаетъ дѣйствительное пониманіе настоящаго". „Только въ исторіи народъ

достигаетъ своего полнаго самосознанія; поэтому на исторію надо смотрѣть, какъ на *разумное самосознаніе человѣческаго рода*". Едва ли можно болѣе вѣрно и краснорѣчиво опредѣлить значеніе исторіи въ умственномъ обиходѣ человѣчества, чѣмъ это сдѣлано Шопенгауэромъ въ только что приведенныхъ словахъ.

Отрицательное отношеніе Шопенгауэра и его послѣдователей къ исторіи, какъ наукѣ, основывается въ сущности на недоразумѣніи, или—вѣрнѣе на цѣломъ рядѣ недоразумѣній, которыя сводятся въ концѣ концовъ къ одному, заключающемуся въ противорѣчивомъ и произвольно-узкомъ опредѣленіи понятія науки и научнаго знанія. Какое опредѣленіе науки было бы наиболѣе удовлетворительнымъ, это другой вопросъ, разсмотрѣніе котораго выходитъ за предѣлы намѣченной мною задачи; для послѣдней достаточно отмѣтить только что формулированный отрицательный результатъ.

Это—по части „враговъ" исторіи. Что касается ея „друзей", подходящихъ къ исторіи съ различными рецептами реформъ, необходимыхъ, по ихъ мнѣнію, для „поднятія исторіи на степень науки", то ихъ родоначальникомъ можетъ съ полнымъ правомъ считаться извѣстный англійскій историкъ Бокль. „Несчастная особенность исторіи человѣка, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что, хотя тщательно изслѣдованы ея отдѣльныя части, все же почти никто не попытался слить ихъ въ одно цѣлое и объяснить ихъ взаимную связь. Во всѣхъ другихъ великихъ сферахъ знанія необходимость обобщенія признана всѣми и сдѣланы благородныя попытки возвыситься надъ отдѣльными фактами и открыть законы, управляющіе этими фактами".

Если оставить въ сторонѣ совершенно невѣрныя утвержденія, будто „тщательно изслѣдованы отдѣльныя части человѣческой исторіи", и будто „никто не пробовалъ слить въ одно цѣлое ея отдѣльныя части и объяснить ихъ взаимную связь",—если оставить въ сторонѣ эти утвержденія, фактическая несостоятельность которыхъ слишкомъ очевидна, то останется та мысль, что хотя исторія и не есть наука, но она можетъ стать таковою, если, по примѣру „другихъ наукъ", „попытается возвыситься надъ отдѣльными фактами и открыть законы, которые ими управляютъ".

Другими словами: чтобы стать наукой, исторія должна заняться отысканіемъ законовъ. Этотъ основной тезисъ Бокля сдѣ-

лался, можно сказать, девизомъ всѣхъ друзей исторіи, желающихъ „поднять ее на степень науки“.

По выраженію одного изъ новѣйшихъ соціологовъ, Бурдо, „только тогда исторія получитъ доступъ въ среду наукъ, когда она докажетъ свою способность, по примѣру другихъ наукъ, устанавливать законы“.

Живучесть этого воззрѣнія лишнее доказательство того, что „друзья“ исторіи не менѣе, чѣмъ ея „враги“, закрываютъ глаза на совершающійся въ исторической наукѣ прогрессъ. Вѣдь отмѣченное положеніе Бокля, послѣ всего того, что было высказано по его поводу представителями исторической науки, казалось бы, давнымъ давно подлежало сдачѣ въ архивъ.

Не говоря уже о томъ, что попытка Бокля формулировать нѣкоторые изъ предполагаемыхъ имъ „историческихъ законовъ“ представляется вдвойнѣ неудачною, потому, во-первыхъ, что формулированные имъ „законы“ отнюдь не могутъ претендовать на названіе *научныхъ законовъ* въ строгомъ смыслѣ, такъ какъ представляютъ собою лишь простыя обобщенія нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ,—обобщенія не только ничего не объясняющія, но скорѣе сами нуждающіяся въ объясненіяхъ; и, во-вторыхъ, даже какъ обобщенія, они далеко не могутъ быть приняты безъ существенныхъ оговорокъ, — не говоря уже объ отмѣченномъ неудачномъ выполненіи указанной попытки, самая постановка вопроса у Бокля представляется принципіально несостоятельной.

Исторія должна заняться отысканіемъ законовъ, говоритъ онъ. Какихъ же, спрашивается, законовъ? Законовъ, управляющихъ историческими явленіями,—таковъ, казалось бы, самый простой и естественный отвѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, если физика занимается законами физическихъ явленій, химія—законами явленій химическихъ, психологія законами явленій психологическихъ, и т. д., то почему бы, въ самомъ дѣлѣ, и исторіи не заняться законами историческихъ явленій? Но дѣло въ томъ, что самое выраженіе *историческія явленія* оказывается на повѣрку недоразумѣніемъ, — однимъ изъ тѣхъ недоразумѣній, которыя, выростая на почвѣ аналогій, закрѣпляются благодаря тиранніи словъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ о явленіяхъ физическихъ, химическихъ, біологическихъ, и т. д., то мы разумѣемъ при этомъ извѣстныя *категоріи* явленій; вполнѣ естественно, что, въ силу аналогіи, мы склонны

вкладывать соотвѣтствующій смыслъ и въ выраженіе *историческія явленія*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы дѣлаемся жертвами недоразумѣнія, такъ какъ *историческихъ явленій, какъ особой категоріи явленій, какъ явленій параллельныхъ явленіямъ физическимъ, химическимъ и т. д., въ дѣйствительности конечно не существуетъ*. Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте разложить на его составные элементы любой, скажемъ, кусочекъ живой исторической дѣйствительности: что вы тамъ найдете? Вы найдете тамъ лишь извѣстныя *явленія человѣческой дѣятельности*, осложненныя *явленіями окружающей природы*. Ничего другого доступными наукѣ средствами вы не откроете въ исторической дѣйствительности. Но явленія человѣческой дѣятельности, какъ и явленія природы, сводятся въ послѣднемъ анализѣ къ явленіямъ психологическимъ, біологическимъ и физическимъ въ широкомъ смыслѣ—и только. Ни для какой особой категоріи *историческихъ явленій*, какъ явленій особаго рода, параллельныхъ только что названнымъ, въ исторической дѣйствительности не остается мѣста. Говоря коротко, въ исторической дѣйствительности нѣтъ историческихъ явленій sui generis: есть лишь явленія, познаваемыя исторически. А разъ нѣтъ *историческихъ явленій*, какъ особой категоріи явленій, не можетъ быть рѣчи и объ *историческихъ законахъ*, какъ особомъ видѣ научныхъ законовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вся историческая дѣйствительность сводится къ явленіямъ психологіи, біологіи и физики, то и законы, которые этою дѣйствительностью управляютъ, могутъ быть только законами психологическими, біологическими и физическими, и ни о какихъ еще особыхъ историческихъ законахъ не можетъ быть и рѣчи. Изъ этого же слѣдуетъ, что законами, управляющими историческою дѣйствительностью, занимается, помимо исторической науки, цѣлый рядъ другихъ наукъ, и исторія не можетъ заняться отысканіемъ законовъ, не выходя изъ предѣловъ своей компетенціи и не вторгаясь въ сферу другихъ наукъ.

Говоря о *законахъ*, мы разумѣемъ конечно законы въ строго научномъ смыслѣ, совершенно оставляя въ сторонѣ такъ называемые *эмпирическіе законы*, которые, строго говоря, представляютъ не что иное, какъ болѣе или менѣе *поверхностныя обобщенія*, и примѣненіе къ такимъ обобщеніямъ выраженія *законъ* представляетъ собою явленіе, достойное сожалѣнія, такъ какъ оно вноситъ немалую путаницу понятій въ такую область, гдѣ малѣйшая погрѣш-

ность противъ точности терминовъ и отчетливости понятій является часто источникомъ безысходныхъ недоразумѣній. Рамки нашей бесѣды не позволяютъ намъ остановиться болѣе обстоятельно на понятіи научнаго закона въ противоположность такъ называемымъ законамъ эмпирическимъ; ограничусь лишь общимъ указаніемъ на два главные признака научнаго закона: это, во-первыхъ, его *безусловность*—онъ не допускаетъ исключеній и, во-вторыхъ, онъ служитъ къ *объясненію* единичныхъ явленій. Что же касается эмпирическаго закона, то онъ допускаетъ исключенія и главное—ничего не объясняетъ, тогда какъ самъ нуждается въ объясненіи. Эмпирическихъ законовъ, то-есть обобщеній извѣстныхъ фактовъ, можно сдѣлать въ исторіи сколько душѣ угодно, но эти quasi-законы не имѣютъ ничего общаго съ научными законами и съ понятіемъ закономѣрности.

Но утверждать, что историческихъ законовъ въ научномъ смыслѣ нѣтъ и не можетъ быть, не значитъ ли отрицать закономѣрность въ историческихъ явленіяхъ? Отнюдь нѣтъ: это значитъ только признавать, что закономѣрность историческаго процесса сводится къ тѣмъ же законамъ, которыми управляются всѣ явленія въ мірѣ неорганическомъ, органическомъ и духовномъ. Другими словами то, что мы называемъ историческими явленіями или историческимъ процессомъ, управляется законами физическими, біологическими и психологическими: ни для какихъ еще особыхъ законовъ историческихъ не остается мѣста. Стало быть, *закономѣрность историческаго процесса, какъ и всѣхъ явленій познаваемаго міра, подлежитъ изслѣдованію естественныхъ наукъ въ широкомъ смыслѣ и психологіи: для исторіи здѣсь не остается мѣста.* Дѣло исторіи лишь пользоваться результатами этихъ наукъ, прилагая къ объясненію историческаго процесса открытые этими науками законы. Слѣдовательно, въ конечномъ результатѣ, вопросъ о томъ, должна или не должна исторія заниматься отысканіемъ законовъ, есть вопросъ праздный, потому что исторія даже и не можетъ взять на себя такой задачи.

Но если исторія не можетъ взять на себя задачу отысканія законовъ исторической дѣйствительности, то не должна ли она, въ силу этого, отказаться разъ навсегда отъ всякаго притязанія на званіе науки въ строгомъ смыслѣ? Такой выводъ конечно логически неизбѣженъ, разъ будетъ принятъ подразумѣваемый Боклемъ те-

лись, что задача всякой науки—открытіе законовъ. Но этотъ тезисъ въ сущности лишь повторяетъ ошибку Шопенгауэра: онъ точно также, хотя и въ нѣсколько иномъ смыслѣ, суживаетъ произвольно задачу науки.

Почему, спрашивается, научная любознательность должна ограничить свою область исключительно *законами*, то-есть абстрактными отношеніями между явленіями, и должна запретить себѣ интересоваться самыми явленіями, въ ихъ живой конкретности? Не имѣетъ ли на рядѣ съ абстрактнымъ знаніемъ, знаніемъ законовъ явленій, одинаковое право на существованіе и знаніе конкретное, имѣющее своимъ предметомъ самыя явленія? Очевидно, да; недаромъ же на рядѣ съ *науками абстрактными* существуетъ цѣлый рядъ *наукъ конкретныхъ*, и послѣднимъ вовсе нѣтъ надобности *перестать* быть таковыми, для того чтобы *стать* науками въ строгомъ смыслѣ. Въ такомъ именно положеніи находится и исторія -наука конкретная по своему существу, имѣющая задачею изученіе конкретныхъ явленій въ ихъ послѣдовательной связи. И можно сказать, что не будь такой науки, ее необходимо было бы изобрѣсть. Между тѣмъ, этой-то конкретной наукѣ, самая raison d'être которой именно въ ея конкретности, услужливые друзья предлагаютъ преобразиться въ науку абстрактную, т. е. предлагаютъ въ сущности ни болѣе ни менѣе, какъ упразднить вовсе исторію, замѣнивъ ее соціологіей и психологіей, какъ будто эти науки, хотя бы и взятыя вмѣстѣ, въ состояніи замѣнить собою конкретное знаніе жизни человѣчества въ его послѣдовательномъ развитіи культурномъ и общественномъ, и какъ будто человѣческая любознательность была бы въ состояніи примириться съ такимъ зіяющимъ пробѣломъ въ суммѣ нашихъ знаній о мірѣ и человѣкѣ.

II.

Вмѣстѣ и параллельно съ ростомъ научнаго самосознанія въ исторической наукѣ двигается впередъ и разработка историческаго метода. Разработка эта началась практически. Но научная полемика, вызванная спорами по вопросу о теоретическихъ основахъ исторіи, какъ науки, вызвала, естественнымъ образомъ, интересъ и къ теоретической разработкѣ принциповъ историческаго метода. Въ послѣднее время практическая разработка послѣдняго идетъ объ руку съ разработкою теоретическою, взаимно вліяя одна

на другую. Не вдаваясь въ подробности, отмѣчу лишь наиболѣе существенные изъ результатовъ этой разработки.

Однимъ изъ такихъ результатовъ является установленіе понятія *объ историческомъ познаніи, какъ познаніи особаго рода*. Въ самомъ дѣлѣ, способъ историческаго познаванія существеннымъ образомъ отличается отъ способовъ познаванія прочихъ наукъ о реальномъ мірѣ. Тогда какъ въ послѣднихъ изучаемыя явленія подлежатъ по большей части непосредственному воспріятію, чрезъ производимыя ими впечатлѣнія, въ исторіи такому непосредственному, такъ сказать *интуитивному познаванію* нѣтъ мѣста. Какимъ образомъ познаетъ историкъ явленіе, котораго самъ онъ не наблюдалъ?

Одно изъ двухъ:

1) либо историкъ *освѣдомляется* о немъ, путемъ устнаго или письменнаго изложенія, отъ людей, которые имѣли возможность наблюдать данное явленіе;

2) либо онъ *дѣлаетъ заключеніе* о данномъ явленіи на основаніи тѣхъ или другихъ слѣдовъ, оставленныхъ этимъ явленіемъ.

Другими словами, для познанія извѣстнаго явленія, историкъ располагаетъ двумя средствами: *традиціей сознательной* и *традиціей безсознательной*.

Первый вопросъ, на который приходится ему наталкиваться, это вопросъ о томъ, какимъ образомъ, при посредствѣ этой двоякой традиціи добраться до познанія самихъ явленій. Отсюда: выработка принциповъ *исторической критики* — второй результатъ разработки историческаго метода. Выработка принциповъ исторической критики, т. е. теоріи умственныхъ операцій, которыя необходимо продѣлать изслѣдователю для того, чтобы изъ наличныхъ элементовъ традиціи извлечь историческое знаніе. Въ выработкѣ принциповъ исторической критики прогрессъ наблюдается главнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ: это, съ одной стороны, постепенное *расширеніе понятія историческаго источника*, съ другой — *внесеніе психологической точки зрѣнія въ теорію историческаго познанія*.

Первоначальное понятіе *источника*, подъ которымъ разумѣлись сочиненія историковъ, лѣтописи, записки современниковъ, различные оффиціальные акты, однимъ словомъ различные письменные памятники, заключавшіе въ себѣ, такъ сказать, непосредственныя историческія свѣдѣнія, это первоначальное понятіе постепенно

расширяется, не столько впрочемъ вслѣдствіе разработки теоретическихъ принциповъ, сколько благодаря, съ одной стороны—постепенному расширенію понятія исторической дѣйствительности, съ другой—благодаря развитію нѣкоторыхъ научныхъ дисциплинъ, такъ или иначе соприкасающихся съ областью историческаго знанія. Особенно сильный толчокъ въ данномъ направленіи дали быстрые успѣхи *археологіи* въ послѣднія три десятилѣтія. Благодаря массѣ археологическихъ открытій, исторія обогатилась для нѣкоторыхъ отдѣловъ исторической дѣйствительности массой вещественныхъ памятниковъ, этихъ, такъ сказать, безсознательныхъ историческихъ свидѣтелей. Эта категорія историческихъ источниковъ, на которые прежде смотрѣли лишь какъ на вспомогательное и второстепенное орудіе историческаго познанія, съ успѣхами археологіи, оказалась для нѣкоторыхъ отдѣловъ исторіи человѣчества главнымъ, для другихъ даже единственнымъ источникомъ.

На ряду съ безсознательною традиціей матеріальной, все болѣе и болѣе привлекаютъ вниманіе историковъ и различные элементы безсознательной традиціи духовной: въ языкѣ, въ обычаяхъ, вѣрованіяхъ, учрежденіяхъ. Въ этомъ отношеніи особенно большія услуги оказываютъ исторической наукѣ успѣхи сравнительно-историческаго языковѣдѣнія.

Дѣйствительно, *языкъ*, съ тѣхъ поръ какъ научились на него смотрѣть, какъ на одинъ изъ историческихъ источниковъ, является древнѣйшимъ свидѣтелемъ исторической жизни народа. Языкъ проливаетъ свѣтъ на ту раннюю пору въ жизни всякаго народа, о которой не сохранилось никакихъ другихъ историческихъ свидѣтельствъ. Иногда онъ бросаетъ свѣтъ на происхожденіе народа и въ особенности на его раннія культурныя и этнографическія отношенія къ другимъ народамъ. Такъ, напримѣръ, не чему иному, какъ языку и его сравнительно-историческому изученію, мы обязаны открытіемъ исконнаго культурнаго и кровнаго родства между Европой и Индіей. Далѣе, языкъ является незамѣнимымъ и часто единственнымъ свидѣтелемъ о различныхъ пройденныхъ народомъ стадіяхъ его культурнаго развитія. Наконецъ, вѣдь въ языкѣ отражается, какъ въ зеркалѣ, духовная физіономія народа. Языкъ есть, по удачному выраженію Шеффле, „символическая капитализація всей исторической духовной работы народа". Языкъ живетъ и развивается вмѣстѣ съ народомъ, раздѣляя всѣ его судьбы, и исторія языка неизбѣжнымъ образомъ

отражаетъ на себѣ исторію самого народа: нужно только умѣть читать въ этой безсознательной повѣсти; умѣнье же это находится въ прямой зависимости отъ успѣховъ сравнительнаго языковѣдѣнія и прогрессируетъ вмѣстѣ съ нимъ.

На ряду съ языкомъ, привлекаются въ качествѣ историческихъ свидѣтелей, миѳологія, религіозныя вѣрованія и культы исчезнувшихъ народовъ. Кромѣ того, что религіозныя вѣрованія и сказанія, мины, отражаютъ на себѣ міросозерцаніе народа и слѣдовательно являются цѣннымъ источникомъ для исторіи его духовной культуры,—они, въ особенности въ связи съ различными религіозными культами, даютъ иногда возможность возсоздавать различныя части, казалось бы, безслѣдно исчезнувшей исторической дѣйствительности.

Наконецъ, словесность въ широкомъ смыслѣ, поэзія, искусство, однимъ словомъ —всѣ проявленія духовной культуры народа все въ большей и большей степени начинаютъ привлекаться въ качествѣ историческихъ источниковъ для возсозданія исторической картины культурной жизни далекаго, исчезнувшаго прошлаго.

На ряду съ различными вещественными и невещественными слѣдами и остатками культуры историками все болѣе и болѣе начинаютъ привлекаться, въ качествѣ историческихъ свидѣтелей, вещественные остатки самого человѣка. И эти остатки, дѣйствительно, иной разъ даютъ краснорѣчивые отвѣты на такіе вопросы, которые прежде казались безнадежными. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, представляютъ ли современные греки, по своему этнографическому составу, прямыхъ потомковъ античныхъ эллиновъ, или же они являются эллинизированными славянами.

Наконецъ, съ развитіемъ, которое въ новѣйшее время пріобрѣтаетъ *статистика*, постепенно охватывающая все новыя и новыя стороны жизни общества, исторія все болѣе и болѣе обогащается новымъ и многообѣщающимъ средствомъ историческаго познанія въ такъ называемыхъ *статистическихъ данныхъ*. Замѣчу, что я говорю о статистическихъ данныхъ лишь какъ объ одномъ изъ историческихъ источниковъ—и въ этомъ отношеніи все большее и большее проникновеніе исторической науки статистическимъ элементомъ представляетъ безспорно одинъ изъ важныхъ элементовъ научнаго прогресса. Но отнюдь этого нельзя сказать о попыткахъ,

которыя одно время были очень въ модѣ, да и теперь продолжаютъ еще находить себѣ сторонниковъ, — я говорю о попыткахъ создать изъ данныхъ статистики такъ называемые *статистическіе законы*. Это одно изъ тѣхъ недоразумѣній, которыя не мало путаницы внесли и продолжаютъ вносить въ историческую науку, и наблюдаемый въ послѣднее время поворотъ въ смыслѣ освобожденія отъ этихъ quasi-научныхъ измышленій нельзя не привѣтствовать, какъ одинъ изъ симптомовъ научнаго прогресса.

Я указалъ на одну сторону прогресса въ дѣлѣ выработки принциповъ исторической критики, именно—на послѣдовательное расширеніе понятія историческаго источника. Другая сторона этого прогресса заключается, какъ было замѣчено, во внесеніи психологической точки зрѣнія въ теорію историческаго познанія. Теченіе это впрочемъ только лишь намѣчается въ самое послѣднее время. Можно сказать, что покамѣстъ поставленъ лишь самый вопросъ; но въ наукѣ, какъ извѣстно, постановка новой проблемы представляетъ иногда не менѣе крупный шагъ впередъ, чѣмъ ея разрѣшеніе. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ историческая критика ставила вопросъ лишь объ *объективныхъ условіяхъ* историческаго познанія,—то-есть о тѣхъ условіяхъ, которыя лежатъ въ подлежащихъ анализу источникахъ. Въ послѣднее время на ряду съ этимъ выдвигается и другой вопросъ, вопросъ о *субъективныхъ условіяхъ* историческаго познанія, то-есть о тѣхъ условіяхъ, которыя лежатъ въ самомъ познающемъ субъектѣ.

Что постановка такого вопроса имѣетъ за себя серьезныя основанія, въ этомъ легко убѣдиться хотя бы изъ того черезчуръ обычнаго и общеизвѣстнаго факта, что, при наличности однихъ и тѣхъ же источниковъ и при одинаковыхъ объективныхъ условіяхъ познаванія, результаты послѣдняго получаются у различныхъ познающихъ субъектовъ не только не всегда одинаковые, но зачастую совершенно противоположные. Очевидно, объясненія подобныхъ явленій слѣдуетъ искать въ субъективныхъ условіяхъ историческаго познанія. Разработка послѣднихъ, стало быть, по меньшей мѣрѣ такъ же необходима, какъ и разработка условій объективныхъ. Но, какъ уже было замѣчено, разработка эта находится покамѣстъ въ самомъ зачаткѣ; что отъ нея можно ожидать цѣнныхъ результатовъ, въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться, но говорить о какихъ-либо положительныхъ результатахъ покамѣстъ преждевременно.

III.

Ростъ научнаго достоянія составляетъ третій элементъ научнаго прогресса въ исторіи. Здѣсь мы наблюдаемъ двоякій прогрессъ: *прогрессъ количественный* и *прогрессъ качественный*.

Количественный прогрессъ заключается въ постепенномъ увеличеніи суммы нашихъ знаній о различныхъ частяхъ исторической дѣйствительности. Увеличеніе это происходитъ въ трехъ различныхъ направленіяхъ.

Во-первыхъ, постоянно возрастаетъ сумма доступныхъ изслѣдованію историческихъ источниковъ. Иллюстраціей можетъ служить въ данномъ случаѣ открытый нѣсколько лѣтъ тому назадъ трактатъ Аристотеля объ аѳинскомъ государствѣ; благодаря этому новому документу, нѣкоторыя изъ сторонъ общественнаго строя древнихъ Аѳинъ получили новое и частью совершенно неожиданное освѣщеніе.

Другимъ примѣромъ можетъ служить то, можно сказать, колоссальный переворотъ въ историческомъ изученіи древней Эллады, который былъ произведенъ въ послѣдніе три десятилѣтія, благодаря, съ одной стороны, массовому изученію надписей, сохранившихся отъ различныхъ временъ древней Эллады, съ другой благодаря тѣй массѣ неизвѣстныхъ дотолѣ вещественныхъ памятниковъ эллинской древности, которыми обогатилась археологія въ результатѣ предпринятыхъ по почину Шлиманна и послѣ него продолжавшихся раскопокъ въ различныхъ исчезнувшихъ культурныхъ центрахъ древней Греціи. Не говоря уже о томъ, что надписи дали въ руки историкамъ могучее орудіе исторической критики, позволяя контролировать до извѣстной степени свидѣтельства древнихъ историковъ и устанавлять степень достовѣрности того или другого изъ нихъ, надписи освѣтили для историческаго знанія многія изъ такихъ сторонъ древнегреческой культуры и общественности, которыя до тѣхъ поръ оставались совершенно въ тѣни. Такъ, благодаря надписямъ, удалось возсоздать болѣе точную картину различныхъ сакральныхъ и правовыхъ учрежденій греческой древности. Далѣе, благодаря обилію данныхъ статистическаго характера въ надписяхъ, онѣ позволили до извѣстной степени возсоздать экономическія и соціальныя отношенія древности, почти совершенно оставляемыя въ тѣни древними историками. Капитальное сочиненіе

Августа Бёка, положившаго начало наукѣ о надписяхъ, эпиграфикѣ, *О государственномъ хозяйствѣ древнихъ Аѳинъ*, цѣликомъ построено на эпиграфическомъ матеріалѣ, на надписяхъ. Надписямъ же мы обязаны свѣдѣніями о многихъ изъ такихъ государственныхъ соединеній древней Эллады, о которыхъ до насъ дошли лишь отрывочныя извѣстія у историковъ. Оставляя въ сторонѣ менѣе значительныя изъ такихъ государственныхъ соединеній, укажу лишь на такое крупное явленіе въ этой области, какъ Делосскій союзъ, то-есть созданное Аѳинянами послѣ персидскихъ войнъ федеративное государство. Внутренняя организація этого государства и его исторія получили полное освѣщеніе благодаря лишь успѣхамъ эпиграфики, благодаря собиранію и изученію надписей. Комбинируя данныя эпиграфики съ данными археологіи, миѳологіи и сравнительнаго языковѣдѣнія, оказывается иногда возможнымъ проникнуть въ такіе темные уголки античной древности, о которыхъ не сохранилось ни малѣйшихъ свѣдѣній у историковъ.

Что касается того прогресса историческаго знанія, который обусловливается археологическими открытіями и привлеченіемъ, въ качествѣ историческихъ источниковъ, различныхъ вещественныхъ памятниковъ старины, то для иллюстраціи достаточно указать на одинъ крупный примѣръ въ этомъ отношеніи. Обнаруженные раскопками вещественные памятники *открыли для историческаго знанія цѣлый новый культурный міръ*, о существованіи котораго до тѣхъ поръ ничего не было извѣстно,—культурный міръ, гораздо болѣе древній, чѣмъ гомеровскій эпосъ: это такъ называемая микенская или трояно-микенская культура, существовавшая, какъ оказывается, по крайней мѣрѣ тысячу лѣтъ, а по нѣкоторымъ вычисленіямъ и болѣе.

То, чѣмъ служатъ эпиграфическія и археологическія данныя въ области древней исторіи, для болѣе позднихъ временъ, для среднихъ вѣковъ и новаго времени, представляютъ *архивныя данныя*, то-есть свѣдѣнія, добытыя изъ хранящихся въ различныхъ хранилищахъ, архивахъ, современныхъ изучаемымъ эпохамъ документовъ. Благодаря привлеченію къ изслѣдованію архивнаго матеріала, не только вносятся болѣе или менѣе существенныя дополненія и поправки въ существовавшія ранѣе историческія представленія, но иногда измѣняется существеннымъ образомъ цѣлая картина той или другой

эпохи, — картина, возсозданная первоначально на основаніи болѣе доступнаго, но въ тоже время и менѣе достовѣрнаго историческаго матеріала. Стóитъ только припомнить, какой переворотъ въ представленіяхъ о старой Франціи произвели изслѣдованія Токвиля и Тэна на основаніи никѣмъ до нихъ не изученныхъ архивныхъ матеріаловъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, количественный ростъ научнаго достоянія исторіи является слѣдствіемъ привлеченія къ историческому изученію такихъ сторонъ исторической дѣйствительности, которыя прежде либо вовсе игнорировались историками, либо не въ достаточной мѣрѣ привлекали къ себѣ ихъ вниманіе. Это—тѣ стороны, которыя, съ легкой руки нѣмецкихъ ученыхъ, принято объединять подъ однимъ общимъ понятіемъ *культуры*. Языкъ, религія, искусство, обычаи, различныя культурныя переживанія, соціальныя и экономическія отношенія, всѣ эти различныя стороны исторической дѣйствительности постепенно завоевываютъ себѣ все болѣе и болѣе вниманіе историковъ. Этотъ послѣдній видъ научнаго прогресса находится въ самой тѣсной связи съ развитіемъ въ послѣднее время различныхъ спеціальныхъ культурно-историческихъ дисциплинъ, каковы: исторія языка, исторія религій, исторія искусствъ, исторія философіи, исторія литературъ, фольклоръ, а также молодая и не вполнѣ еще установившаяся научная дисциплина—соціологія.

Что касается качественнаго прогресса въ дѣлѣ роста научнаго достоянія исторіи, то онъ представляетъ двѣ стороны.

Одна сторона дѣла, это—постепенное *очищеніе историческаго знанія* отъ различныхъ засоряющихъ его примѣсей, въ видѣ различнаго рода ошибокъ, недоразумѣній, легендъ, мистификацій, и т. д.

Другая сторона дѣла, это постепенное *усовершенствованіе историческаго синтеза*. Отчасти это послѣднее усовершенствованіе обусловливается конечно усовершенствованіемъ *анализа*, то-есть исторической критики; но этимъ дѣло не ограничивается. Въ не меньшей, быть можетъ, мѣрѣ отмѣченный видъ научнаго прогресса въ исторіи является результатомъ привнесенія въ обиходъ исторической мысли нѣкоторыхъ *общихъ идей*, благодаря которымъ многія стороны исторической дѣйствительности получили смыслъ и значеніе, какихъ прежде за ними и не подозрѣвали. Особенно важное значеніе въ данномъ отношеніи имѣли слѣдующія четыре идеи.

1) *Понятіе объ исторической жизни народа, какъ о сложной совокупности самыхъ разнородныхъ явленій* -политическихъ и культурныхъ, осложненныхъ вдобавокъ явленіями природы, то-есть совокупностью условій физической среды, въ которой живетъ данный народъ. Представленіе обо всей этой сложной совокупности самыхъ разнородныхъ явленій, какъ о чемъ-то *единомъ*, неразрывно связанномъ внутренними органическими нитями, имѣло своимъ послѣдствіемъ требованіе *всесторонности* историческаго синтеза. Въ силу этого требованія, исторія все болѣе и болѣе стала заниматься связью одновременныхъ явленій, а не одною лишь послѣдовательностью хронологически смѣняющихся событій, какъ это имѣло мѣсто въ традиціонной исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ драматическій интересъ, игравшій первенствующую роль въ традиціонной исторіи, все болѣе и болѣе заслоняется въ научной исторіи интересомъ философскимъ, а повѣствовательный элементъ въ значительной мѣрѣ оттѣсняется элементомъ описательнымъ.

2) Другая идея, оказавшая вліяніе на прогрессъ историческаго синтеза, это - - идея *закономѣрности историческаго процесса*. Намъ, людямъ двадцатаго столѣтія, идея эта представляется до такой степени простой, естественной, очевидной, даже банальной, что даже не обращаетъ на себя нашего вниманія: она какъ бы сама собою подразумѣвается. Между тѣмъ было время — и оно вовсе не такъ удалено отъ насъ, -когда такая идея была большою новостью. Во всякомъ случаѣ она долгое время была совершенно чужда историческому пониманію. У древнихъ историковъ событіями управляютъ то боги, то *судьба*, fatum, ἀνάγκη, которой и сами боги подчинены. У средневѣковыхъ бытописателей всякое событіе объяснялось непосредственнымъ вмѣшательствомъ сверхчувственныхъ силъ: провидѣнія, ангеловъ, злыхъ духовъ. Мысль о томъ, что всякое историческое событіе, какъ и всякое явленіе повседневной жизни, обязано своимъ происхожденіемъ естественнымъ причинамъ и совершается по опредѣленнымъ законамъ физическимъ, біологическимъ и психологическимъ,—такая мысль была совершенно чужда людямъ вплоть до восемнадцатаго столѣтія. Правда, первые намеки на нее мы находимъ еще у Бодэна, но это были лишь слабые намеки, которые у самого Бодэна совмѣщались съ вѣрою въ силу колдуновъ и колдуній, а также въ силу звѣздъ, вліяющихъ на судьбы людей и народовъ. Впервые въ болѣе или менѣе зрѣломъ видѣ идею эту

мы встрѣчаемъ у Вико, а затѣмъ у Монтескье. Вико даже пытался придать своей идеѣ о закономѣрности историческихъ явленій болѣе опредѣленную форму, —именно онъ пытался формулировать нѣкоторые историческіе законы. Попытка эта, правда, была неудачною, какъ и всѣ дальнѣйшія попытки того же рода, до Бокля и его о послѣдователей включительно. Неудачны были и всегда будутъ подобныя попытки все по одной и той же причинѣ. Причина эта лежитъ въ ложной мысли о существованіи историческихъ законовъ, какъ особой категоріи научныхъ законовъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности историческая закономѣрность цѣликомъ и безъ остатка сводится къ закономѣрности психологическихъ, органическихъ и неорганическихъ процессовъ, и только законы, лежащіе въ основѣ этихъ процессовъ, могутъ служить и къ объясненію историческаго процесса; всякая же попытка формулировать историческіе законы, какъ особые, самодовлѣющіе законы, неизбѣжно всегда будетъ разрѣшаться формулировкою болѣе или менѣе произвольныхъ обобщеній, которыя, ничего не объясняя, сами будутъ нуждаться въ объясненіи.

Какъ бы то ни было, идея закономѣрности историческаго процесса внесла безспорно благотворную струю въ историческую науку и оказала плодотворное вліяніе на историческій синтезъ. Прогрессъ въ данномъ пунктѣ заключается, между прочимъ, и въ томъ, что самая идея исторической закономѣрности начинаетъ пониматься болѣе правильно, отрѣшаясь постепенно отъ ирраціональнаго представленія объ историческихъ законахъ, какъ законахъ особаго рода, хотя, повидимому, и не близко еще то время, когда это глубоко укоренившееся въ умахъ заблужденіе будетъ окончательно и безвозвратно сдано въ архивъ.

3) Далѣе, не послѣднюю роль сыграла въ дѣлѣ усовершенствованія историческаго синтеза *идея эволюціи*, или *органическаго развитія*. До проникновенія этой идеи въ исторію, въ исторической дѣйствительности видѣли лишь смѣну событій, простую хронологическую послѣдовательность фактовъ,—не видѣли въ ней развитія культурно-общественныхъ тѣлъ, ихъ зарожденія, роста и умиранія. Идея эта, первоначально нашедшая себѣ примѣненіе въ одной изъ отраслей исторической науки, именно въ исторіи права, мало по малу была распространена и на всю совокупность историческаго процесса, въ особенности подъ вліяніемъ возникшей во

второй половинѣ истекшаго столѣтія эволюціонной теоріи въ біологіи. Если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя односторонности, вызванныя излишнимъ увлеченіемъ идеей эволюціи въ приложеніи къ общественному развитію, то сама по себѣ идея органическаго развитія оказала несомнѣнно благотворное вліяніе на историческую науку.

4) Въ связи съ идеей органическаго развитія возникло и *понятіе объ исторической перспективѣ*. Такъ какъ всѣ элементы общественности и культуры находятся въ постоянномъ процессѣ эволюціи, то отсюда слѣдуетъ, что культура и общественность каждой отдѣльной эпохи должна имѣть свою особую физіономію, отличную отъ физіономіи всякой другой эпохи. Отсюда вытекаетъ методологическое требованіе, чтобы при возсозданіи исторической дѣйствительности строго различались культурные и общественные элементы различныхъ эпохъ, другими словами чтобы принималась во вниманіе *историческая перспектива*.

— —

Я пытался намѣтить главныя линіи научнаго прогресса въ области исторической науки. Несмотря на сравнительную молодость исторической науки, ею уже многое достигнуто; но еще большаго, быть можетъ, остается достигнуть. Во многихъ отношеніяхъ, прогрессъ отмѣченъ лишь постановкою новыхъ проблемъ и установленіемъ извѣстныхъ принциповъ; разрѣшить первыя и дать практическое осуществленіе послѣднимъ еще дѣло будущаго, и во многихъ случаяхъ—скорѣе отдаленнаго, чѣмъ близкаго. Дѣло въ томъ, что историческая наука въ самой себѣ носитъ нѣкоторыя препятствія къ быстрому прогрессу.

Главнѣйшее изъ этихъ препятствій заключается въ ея крайней *сложности*. Вѣдь историческая наука, строго говоря, самая сложная изъ всѣхъ наукъ, изучающихъ реальный міръ. Начать съ того, что никакая другая наука не имѣетъ дѣла съ болѣе сложнымъ *предметомъ*, чѣмъ исторія: предметъ этотъ—человѣчество въ его послѣдовательномъ развитіи культурномъ и общественномъ, т. е. во всемъ многообразіи проявленій своей дѣятельности, на протяженіи цѣлыхъ десятковъ столѣтій. Каждая изъ прочихъ наукъ имѣетъ

своимъ предметомъ одну какую-либо сторону человѣческой дѣятельности или жизни природы; исторія имѣетъ дѣло со всею совокупностью, со всѣми сторонами человѣческой дѣятельности, осложненной вдобавокъ явленіями природы, поскольку послѣднія связаны съ тѣлесною природой человѣка и съ тою физическою средой, въ которой онъ живетъ и дѣйствуетъ.

Это—съ одной стороны. Съ другой—сложнѣе всякой другой науки исторія также и по *способу познаванія*. Способъ познаванія прочихъ наукъ о мірѣ и человѣкѣ—непосредственное наблюденіе. Способъ историческаго познаванія, это, мы видѣли,—либо освѣдомленіе при посредствѣ сознательной традиціи, либо—умозаключеніе на основаніи тѣхъ или другихъ слѣдовъ, т. е. элементовъ традиціи безсознательной. И въ томъ и другомъ случаѣ, прежде чѣмъ получить историческое знаніе, требуется цѣлый рядъ предварительныхъ, болѣе или менѣе сложныхъ умственныхъ операцій, связанныхъ съ исторической критикой.

Итакъ, *исторія есть дѣйствительно самая сложная изъ всѣхъ наукъ, изучающихъ реальный міръ*: самая сложная—какъ по способу добыванія своихъ свѣдѣній, такъ и по своему предмету, который вѣдь въ сущности обнимаетъ цѣлую совокупность явленій, изучаемыхъ, только съ другой точки зрѣнія, цѣлымъ рядомъ другихъ наукъ. Это—

I. *Науки о человѣкѣ*:

а) какъ существѣ физическомъ (антропологія, этнографія);

б) какъ существѣ духовномъ (психологія, филологія);

II. *Науки объ обществѣ*:

а) соціологія,

б) правовѣдѣніе,

в) экономическая наука.

III. *Науки о природѣ*—

естественныя науки въ широкомъ смыслѣ.

Изъ того, что исторія изучаетъ, только съ другой точки зрѣнія, тѣ же категоріи явленій, что и всѣ перечисленныя науки о человѣкѣ, объ обществѣ и о природѣ, слѣдуетъ, что прогрессъ исторической науки самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ развитіемъ всѣхъ этихъ наукъ. Это намъ объясняетъ, почему историческая наука все тѣснѣе и тѣснѣе сближается съ послѣдними. Не теряя своей традиціонной связи съ науками филологическими, исторія

дѣйствительно стремится ко все болѣе и болѣе тѣсному сближенію съ правовѣдѣніемъ и экономическою наукой, съ психологіей и соціологіей, съ антропологіей и естествознаніемъ. И въ этомъ сближеніи, быть можетъ, самый вѣрный залогъ дальнѣйшаго прогресса исторической науки. На ряду съ историкомъ, и филологъ и психологъ, и правовѣдъ и экономистъ, и антропологъ и естествовѣдъ,— работая каждый въ своей спеціальной научной области, вмѣстѣ съ тѣмъ, незамѣтно для себя, двигаетъ впередъ и историческую науку. Въ свою очередь, и прочія науки о человѣкѣ, обществѣ и природѣ сами все болѣе и болѣе проникаются историческою точкою зрѣнія. И такимъ образомъ, исторія все болѣе и болѣе служитъ полемъ, на которомъ всѣ науки встрѣчаются между собою въ своихъ поискахъ за истиной.

Павелъ Ардашевъ

Книги проф. П. Н. Ардашева,

ИМѢЮЩІЯСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ.

Переписка Цицерона, какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря. Москва. 1890. Цѣна 2 руб. (Студенческое сочиненіе, удостоенное Историко-Филологическимъ факультетомъ Московскаго университета золотой медали).

Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. Провинціальные интенданты. Томъ I. С.-Петербургъ, 1900. Цѣна 2 р. 50 к. (Удостоено Московскимъ университетомъ полной преміи имени С. М. Соловьева).

Абсолютная монархія на Западѣ. С.-Петербургъ, 1902 г. Изд. т-ва Брокгаузъ-Ефронъ. Цѣна 1 руб.

Les Intendants de province sour Louis XVI. Tome III. Appendice. Première partie: piecès justificatives. Youriev, 1903.

Мѣсяцъ во французской провинціи. Изъ дневника П. Н. Ардашева. Юрьевъ, 1903. Цѣна 50 к.

Эразмъ Роттердамскій. Похвала Глупости. Переводъ съ лат. съ введеніемъ и примѣчаніями проф. П. Н. Ардашева. Изданіе второе, исправленное. Юрьевъ, 1903. Цѣна 1 руб.

Цѣна 35 копѣекъ.

2007056164